Воспроизводство неравенства образовательных возможностей как фактор негативной социальной стратификации

Гололобов Сергей Николаевич – начальник Управления промышленности Министерства экономического развития промышленности и транспорта Амурской области, соискатель кафедры социологии, политологии и регионоведения ГОУ ВПО «Тихоокеанский государственный университет» (г. Благовещенск). E-mail: Gololobov@kvest.amurobl.ru

Для социальной структуры современного российского общества характерны дезинтеграционные тенденции, которые обусловлены как разными темпами социальных изменений, так и пространственной неравномерностью хода реформ и региональной спецификой. Эти последствия стратификационных процессов относятся к числу важнейших социальных проблем современного российского общества. Одной из таких проблем является неравный доступ к образованию, проявляющийся, в частности, в системе начального профессионального образования. Социальная селекция приводит к маргинализации представителей малообеспеченных слоев населения и закреплению за ними низших социальных статусов.

Ключевые слова*:* социальная стратификация, социальная мобильность, институт образования, воспроизводство неравенства, социальная селекция.

Современные радикальные трансформации в России и их социальные последствия сделали проблему изменения социальной структуры общества одной из самых обсуждаемых как среди социологов, историков и экономистов, так и среди широких слоев населения. Исследование различных аспектов социальных изменений является, несомненно, одним из приоритетных направлений отечественной социологии, и с этим связана актуальность поиска новых подходов к эмпирическому исследованию и концептуализации в этой области.

Любой переходный период неизбежно влечет за собой возникновение новой системы социального неравенства. Успех и повышение социального статуса одних и обнищание других приводит к разрыву дружеских связей, распадению сообществ, исчезновению социальных групп, классов. Изменение социального статуса группы и потеря групповой идентичности являются болезненными процессами для общества и требуют научного осмысления.

Качественный скачок в изменении состояния российского общества – своего рода мирная революция, пережитая им в последние полтора десятилетия – подходит к своему завершению. По крайней мере, с точки зрения изменения социальной структуры общества, наступает период относительно спокойного эволюционного развития. Как отмечает Н.Е.

Тихонова, это значит, что настал момент анализа социальных итогов прошедшего периода, того, из каких же реальных социальных групп состоит сегодня российское общество, чем они различаются между собой, и какова будет динамика их дальнейшего развития [1]. Не случайно в последнее время стали все чаще появляться работы, где предпринимается попытка дать оценку сложившейся в современной России системе стратификации [2].

Кардинальные социальные и экономические изменения в стране, осуществляемый переход к демократическим нормам и отношениям обнаружили усугубляющуюся тенденцию социальной дифференциации общества. Этот процесс не может не сопровождаться возникновением неоднозначных, противоречивых тенденций как на разных социальных уровнях, так и внутри различных социальных структур и институтов.

Как отмечает Тимо Пиирайнен, в настоящее время в России формируется новая социальная стратификация общества. В упрощенной форме его анализ строится на той идее, что в переходной России люди определяют свои позиции преимущественно на основе того, куда они могут или должны инвестировать свои ресурсы или имущество. Малочисленная элита приняла и усвоила практики рыночной экономики современных обществ. Немногим более «толстый пласт» возникшего среднего класса также стремится развиваться в этом направлении. Однако, наряду с созданием современных институтов, «новый средний класс» до сих пор опирается и на старые структуры. Многочисленная же нижняя часть представляемой вертикальной модели социальной стратификации населения использует стратегии смешения рыночных структур, старой государственно-централизованной командной системы и средств неформальной экономики. Ближе к основанию этой условной социальной шкалы располагаются те пролетаризированные слои (страты), которые должны полагаться на жалкие остатки старой системы, не надеясь на помощь никаких властных структур. Демократия, экономика и, возможно, формирующиеся элементы гражданского общества хороши для элит и, может быть, для отдельных социальных групп «нового среднего класса». Но широкие слои населения до сих пор являются, в той или иной мере, аутсайдерами возникающих новых институтов и процессов демократизации» [3].

Система профессионального образования в этих условиях рассматривается не только как национальный институт, отражающий все характеристики современного общества, но и как реальная сила, обладающая потенциалом конструктивного содействия процессу преодоления социального неравенства.

Однако равное образование и доступность образования не гарантируют социального равенства. Документ об образовании в трансформирующейся России, как и во многих странах Запада, сегодня не является социальным «лифтом», позволяющим обладателю проникнуть на верхние этажи социальной иерархии, а часто становится лишь средством выживания. Изменение роли института профессионального образования в обществе

является серьезным аргументом для исследования причин воспроизводства социального неравенства.

Повышение доступности такого канала восходящей мобильности, как институт образования, ведет не только к социальной интеграции, но и к социальному конфликту, особенно при условии рассогласованности привычных связей между статусными характеристиками и уровнем дохода.

Теория социальной стратификации учитывает множественные структурные ограничения, препятствующие получению качественного образования и достижению социальных целей. Неравенство доступа к социальным благам определяется понятием депривации, связанным с бедностью и другими формами социального неблагополучия, сложностью выявления и определения депривации. Немаловажное влияние на получение качественного образования оказывают экономические и семейные обстоятельства, что впоследствии во многом определяет уровень доходов специалиста. Отсутствие гарантии трудоустройства (при условии массовизации образования) является воплощением индивидуализации социального неравенства в форме социальных ресурсов. В силу важного значения социального института образования для развития общества, объяснение явлений и процессов, выявление противоречий в их взаимодействии является одной из наиболее актуальных задач социологии. Именно современная социология способна интерпретировать и осмыслить накопленные различными отраслями науки знания об обществе, в том числе и о роли образования в преодолении и воспроизводстве социального неравенства.

В 1950 – 70 годы во многих странах происходили реформы образовательных систем, целью которых было такое изменение системы образования, чтобы школа и другие образовательные учреждения могли нейтрализовать неравенство происхождения. Так, в Англии в 1944 году был принят Образовательный акт, который ввел бесплатное школьное образование и повысил минимальный возраст для окончания школы до 15 лет. В 1964 году в США был провозглашен «The economic opportunity act», которым Конгресс открыл «войну с бедностью». Было принято решение помочь представителям низших слоев общества развить необходимые навыки, получить образование и хорошую работу. В рамках «войны с бедностью» в 1966 году начинает свою работу Программа «Head Start», призванная ежегодно осуществлять помощь в подготовке к школе нескольким сотням тысячам детей из малообеспеченных семей.

В России в 1958 году была принята «хрущевская» реформа образования, согласно которой вводилось обязательное среднее образование, и возраст пребывания в школе продлевался до 15 лет. Подобные реформы были приняты во многих странах, при этом, можно выделить ряд общих результатов данных трансформаций:

1) прием учащихся в школы значительно увеличился, неполное среднее образование в большинстве стран стало обязательным;

2) связь между социальным происхождением и числом лет, которые индивид проводит в учебных заведениях, стала менее выраженной;

3) постепенно исчезло преимущество мужчин над женщинами в области образования.

После этих существенных преобразований в образовательных системах появился ряд публикаций, в которых прослеживается стремление авторы которых пытались понять, повлияли ли данные изменения на неравенство в образовании, и если повлияли, то каким образом? [4]. Авторы этих работ пришли к следующим выводам:

- зависимость между достижениями, шансами в образовании и происхождением индивида по-прежнему существует;
- введение подобных реформ приводит к появлению эффекта «бутылочного горлышка». Так, массовое распространение всеобщего среднего образования в период, когда возможности для получения высшего образования выросли в меньшей степени, привело к значительному усилению конкуренции на уровне перехода между школой и вузом, причем, этот эффект в большей степени затронул детей из необеспеченных семей;
- несмотря на все реформы, обнаруживается стабильное влияние социального происхождения на уровень образования [5].

Сегодня эта проблема становится очень острой и в России. Невероятный рост социально-экономического неравенства привел, фактически, к созданию двух систем образования – для бедных и для богатых, что получило исследовательское подтверждение [6].

В современных российских условиях такие рамки анализа доступности образования являются неоправданно узкими. Проведенные ранее исследования выявили существенное неравенство возможностей получения качественного образования: не равны шансы сельских и городских жителей, лиц с разным уровнем доходов и выходцев из семей, принадлежащих к различным социальным группам. Сегодня проблема доступности образования перестает быть проблемой исключительно социально уязвимых слоев населения. Она должна рассматриваться, прежде всего, с точки зрения специфических потребностей и возможностей в сфере образования различных групп населения, дифференцируемых по ряду социальных и экономических параметров [7].

Вышеуказанные ориентиры актуализировали решение таких задач профессионального образования, как: несогласованность рынка труда и рынка образовательных услуг; дефицит квалифицированных кадров, особенно в высокотехнологичных и инновационных областях; отсутствие эффективных партнёрских отношений между системой профессионального образования и бизнес-сообществом; неоправданно растянутые сроки подготовки рабочих; непрестижность рабочих профессий; несоответствие учебно-материальной базы образовательных учреждений современным технологиям производства; изменения конъюнктуры рынка труда, следствием которых является невостребованность ведущих специальностей и направлений подготовки специалистов; прекращение или значительное

сокращение бюджетного финансирования; уход наиболее квалифицированных специалистов в другую сферу, предлагающую более высокую заработную плату; появление более сильных конкурентов и др.

Кардинальные социальные и экономические изменения в стране, осуществляемый переход к демократическим нормам и отношениям обнаружили усугубляющуюся тенденцию социальной дифференциации общества. Этот процесс не может не сопровождаться возникновением неоднозначных, противоречивых тенденций как на разных социальных уровнях, так и внутри различных социальных структур и институтов. Система профессионального образования в этих условиях рассматривается не только как национальный институт, отражающий все характеристики современного общества, но и как реальная сила, обладающая потенциалом конструктивного содействия процессу преодоления/воспроизводства социального неравенства.

Процесс преодоления социального неравенства посредством профессиональной социализации тесно связан с уровнями доступности и качества профессионального образования для представителей разных социальных групп. В результате серьезных преобразований в трансформирующейся России возник целый ряд социальных групп, которые обладают весьма ограниченными возможностями доступа к качественному образованию. Дифференциация доступа к качественному образованию оказывает влияние на социальную структуру общества.

Сегодня социальное неравенство в системе профессионального образования проявляется в лишении возможности большинства молодых людей в приобретении качественного профессионального образования и, следовательно, оно становится основой для формирования новых экономических классов, страт и слоев. Налицо тенденция, продолжающаяся на протяжении не одного десятилетия, в проявляющейся изоляции от получения качественного образования достаточно значительных групп населения. Сложился механизм социальной селекции, неравенства в доступе к образовательным ресурсам выходцев из различных социальных групп и слоев и система барьеров, которые возникают на пути получения качественного образования в зависимости от места проживания, социального происхождения, семейного капитала и семейного воспитания акторов образования. Особенно это характерно для системы начального профессионального образования, в котором, как в зеркале, отражаются процессы социально-имущественного, социально-статусного и социально-территориального расслоения общества, тенденции социального неравенства [8]. Фактически, общественная система образования развивается таким образом, что обеспечивает воспроизводство и даже усиление социальных диспропорций в обществе. Это неравенство возникает на уровне дошкольного образования и в дальнейшем сохраняется и усиливается на всех стадиях получения образования.

Начальное профессиональное образование традиционно играет важную роль в социальной защите молодежи. В течение нескольких лет оно обеспечивает

занятость наименее успевающих учащихся, снижая, тем самым, опасность социального взрыва.

В последнее время эта функция приобрела беспрецедентное значение и используется в качестве одного из важнейших аргументов в пользу сохранения и даже развития существующей системы.

Учащиеся, в большинстве случаев, принимаются на учебу и содержатся в образовательном учреждении практически без учета академических показателей и конкурсной борьбы за право занимать учебное место. Это является одной из причин неспособности замкнутой системы профессионального образования адекватно реагировать на потребности рынка труда по структуре и объему учебных профессий.

Если сегодня такое положение можно оправдать переходным периодом в экономике, трудной демографической ситуацией, материальными трудностями семей, интересами социальной безопасности, то в перспективе это может привести к нежелательным для общества результатам. Подросток хорошо понимает, что ему предлагают обучаться той специальности, которая не пользуется спросом, и поэтому само обучение имеет меньшее значение, чем тот факт, что оно удерживает его от улицы, обостряя проблему социальной отчужденности. Это отрицательно сказывается как на поведении, так и на учебном процессе.

Как отмечают Л.Д. Столяренко и А. Х. Мержоева, «… в системе общего образования действует социальная селекция на основе отбора учащихся по результатам успеваемости, которая во многом определяется семейным, социальным и культурным капиталами, перспективами получения высшего образования и отношением педагогических кадров к социальной биографии учащихся. Социальная селекция выявляется на уровне отсева из системы общего образования выходцев из неблагополучных и бедных семей и стимулирования к образованию учащихся с социально-статусными и когнитивными преимуществами. Социальная селекция ограничивает значение общего образования как лифта социальной мобильности и усиливает риски функциональной безграмотности среди молодежи из бедных и неадаптированных социальных слоев» [9]. Социальная селекция обозначается в двух доминирующих формах: монетарной (по доходам) и статусной (социальному происхождению), получает легитимацию в государственной образовательной политике, отменившей обязательность среднего образования и реализующей дифференцированный подход к финансированию общеобразовательных учреждений путем перевода на муниципальный уровень.

Численность рабочих в Амурской области существенно выше, нежели в России в целом: она превышает половину занятого населения. Вместе с тем, в связи с экономическими и социально-демографическими тенденциями, ситуация с обеспеченностью рабочими кадрами в регионе является одной из самых напряженных в России. Массовые сокращения работников крупных предприятий республики в 90-е годы привели к утере большого количества высококвалифицированных кадров, закрытию многих рабочих

специальностей в учреждениях начального профессионального образования. Средняя доля работников с начальным профессиональным образованием, востребованных промышленными предприятиями, составляет 80,3% от общей потребности, что делает ситуацию с обеспеченностью рабочими кадрами не просто кризисной, а, скорее, катастрофической. Регионализация системы профессиональной подготовки рабочих, выразившаяся в передаче на региональное финансирование большинства учреждений начального профессионального образования республики, обусловливает необходимость не только ее оптимизации, но и приведения ее структуры в соответствие с потребностями экономики региона.

Преобладание возрастной группы работников старшего возраста отражает негативную тенденцию недостатка молодых кадров. Тревожной является также невысокая доля работников с начальным профессиональным образованием в общей численности рабочих кадров (18%). Распределение уровня образования рабочих по отраслям указывает на еще более серьезные проблемы. Наименьший уровень образованности демонстрируют рабочие в производстве машин и оборудования, то есть в тех видах деятельности, которые принято считать «наукоемкими».

Низкие показатели образованности рабочих основных производственных отраслей указывают и на недостаточное использование крупными предприятиями потенциала системы начального профессионального образования, нехватку взаимной заинтересованности в сотрудничестве и нежелание молодежи работать в производственной сфере. Кроме того, подобная ситуация обусловлена также отсутствием подготовки по многим остродефицитным рабочим профессиям, что вынуждает предприятия использовать собственные ресурсы, осуществляя подготовку на рабочем месте либо в системе учебных центров. Именно поэтому, в целом, среди рабочих преобладают работники безпрофессионального образования. Особо следует отметить то, что основной потребностью работодателей является высокий уровень квалификации рабочих: представители большинства наиболее дефицитных профессий, по мнению работодателей, должны иметь уровень квалификации в диапазоне от 4 до 6 разряда. Между тем, образовательные учреждения не могут предложить такого высокого уровня подготовки рабочих кадров: по большинству специальностей начального профессионального образования присваивается 3 разряд и лишь по небольшому количеству – 4 разряд (не более 25%). Именно по наиболее дефицитным и востребованным профессиям, таким, например, как: токарь, электрогазосварщик, фрезеровщик, станочник, слесарь, электромонтер и пр. – отмечается несовпадение реального и требуемого уровней квалификации, что делает ситуацию с обеспечением этими специальностями еще более напряженной.

Учиться в ПТУ сегодня непрестижно, полагают две трети участников общероссийского опроса (66%); убеждены в обратном 17% респондентов (еще 17% – воздержались от однозначного ответа на этот вопрос). Чаще других низко оценивают профтехобразование люди, которые сами закончили

вузы (81%), жители больших городов и мегаполисов (72 – 75%), а также граждане в возрасте от 18 до 35 лет (76%). Выше всего профтехобразование котируется среди людей, чей собственный образовательный ценз ниже уровня средней школы (28% представителей этой группы назвали учебу в ПТУ престижной), а также среди граждан с низким уровнем доходов и жителей села (по 23%) [10].

В представлении 53% респондентов молодежь сегодня неохотно идет в ПТУ, четверть россиян (26%) думают, что молодые люди идут туда охотно; каждый пятый (21%) не берется об этом судить.

Многие люди считают, что ПТУ – это удел подростков, у которых недостает знаний или способностей, чтобы поступить в вуз. В среднем, это мнение разделяет каждый второй россиянин (49%), чаще всего, люди, которые сами учились в вузах (59%), а также столичные жители (57%). Около трети наших сограждан (31%) полагают, что большинство поступающих в ПТУ подростков – это грамотные и способные молодые люди, которые при желании могли бы поступить и в высшее учебное заведение. У пятой части опрошенных вопрос об образовательном и интеллектуальном уровне современного учащегося ПТУ вызвал затруднения.

Как известно, особенностью обучения в ПТУ является сочетание общего (то есть «школьного») и профессионального образования. По мнению 39% респондентов, большинство российских ПТУ дают хорошее общее образование, 31% опрошенных считают, что школьная программа в большинстве российских профтехучилищ преподается плохо. Почти треть (30%) воздержались от ответа на этот вопрос.

Если говорить о профтехобразовании в целом, то его положительные стороны люди видят, прежде всего, в направленности на конкретную, при этом, как правило, востребованную, нужную обществу профессию. Так, 29% респондентов, отвечая на открытый вопрос: «*В чем, на Ваш взгляд, состоят положительные стороны обучения в ПТУ*?», говорили о том, что молодой человек может быстро получить профессию; каждый десятый (10%) подчеркивал, что таким образом подростки «*сразу двух зайцев убивают» – «заканчивают полное среднее образование и приобретают специальность»*; примерно, столько же (9%) отметили, что профтехобразование ориентировано на нужные рабочие профессии («*...сейчас рабочие нужны, а то остались одни олигархи»*). Ряд респондентов (3%) заявили о высоком качестве этого вида образования в целом («*обучение хорошее, даже лучше, чем в школе»*). Некоторые в числе преимуществ называли возможность для ребят «*бесплатно получить специальность»* и стать серьезными, самостоятельными людьми (по 3%).

Называя также в форме ответа на открытый вопрос отрицательные стороны обучения в ПТУ, респонденты, чаще всего, говорили, что эти учебные заведения дают плохое, некачественное образование (15%). Как отметили 8% опрошенных, это образование непрестижно, с ним трудно и в вуз поступить, и на работу устроиться. По мнению 5% респондентов, в ПТУ сложный, проблемный контингент учащихся; в представлении такой же доли

участников опроса подростки там предоставлены сами себе, их воспитанием не занимаются, а преподавательский состав в ПТУ слабый.

Почти бесспорным является мнение о том, что в ПТУ поступить легко (73%). Чаще других его разделяют люди с высшим образованием (85%), жители Москвы (83%), а также молодежь (81%). Полагают, что в ПТУ сегодня поступить трудно 8% участников опроса. Затруднились ответить на этот вопрос 19% респондентов.

Что касается перспектив трудоустройства после окончания ПТУ, то здесь согласия в общественном мнении не наблюдается: 28% опрошенных полагают, что после окончания профтехучилища устроиться на работу по специальности легко, а 43% – думают, что это сделать сложно, 29% – затруднились ответить. Мнение, что выпускники профтехучилищ не испытывают проблем с трудоустройством, чаще всего, высказывали москвичи (54%) и жители других крупных городов России (35 – 40%), а также люди с высшим образованием (40%) и молодые респонденты (34%). Противоположного мнения чаще других придерживаются жители малых городов, а также люди с низким уровнем доходов (примерно, половина ответов в каждой из этих групп).

Полагающие, что ПТУ дает хорошие возможности для трудоустройства, аргументируя свою точку зрения (в форме ответа на открытый вопрос), чаще всего говорили о дефиците рабочих рук в России (12%), при этом, подчеркивалось, что сегодня «*...никто не хочет идти в рабочие»* (3%). Некоторые ставили успешность трудоустройства выпускников ПТУ в зависимость от того, какую профессию они выбрали (4%). Часть респондентов считают, что у выпускников ПТУ, как правило, не бывает проблем с трудоустройством, потому что они получают не теоретические знания, как в вузе, а конкретную специальность, профессиональные навыки, которые позволяют им сразу приступить к работе (3%). В такой же доле ответов подчеркивается, что трудоустройство не является проблемой для тех, кто согласен на тяжелую, низкооплачиваемую работу. Как утверждали еще 2% участников опроса, – у большинства училищ налажены связи с предприятиями, и выпускники получают направление на производство.

Считающие, что выпускнику ПТУ, как правило, бывает трудно устроиться на работу по специальности, в качестве главного препятствия называли отсутствие у молодого человека профессионального опыта («*везде требуется стаж работы"; "молодежи без опыта никто не доверяет»*) – 13%. Кроме того, некоторые (2%) говорили, что работодатели с предубеждением относятся к молодым («*кому нужна молодежь?»; «молодость боятся брать»; «молодым не верят»*). По мнению 12% опрошенных, в стране сегодня вообще «*нет работы»*, а еще 2% – сделали акцент на дефиците хорошей, «*достойной работы»*. Некоторые респонденты полагают, что ПТУ дают плохое образование, которое не котируется на рынке труда (5%), не отвечает структуре спроса на профессии (2%). По мнению 4%, преимущественным спросом сегодня пользуются специалисты с высшим образованием.

Две пятых респондентов (39%) исключают вариант, что их собственный ребенок или другой близкий родственник будут учиться ПТУ (чаще всего говорят о неприемлемости этого высокообразованные люди – 52%, а также жители Москвы и мегаполисов – 44% и 49% ответов, соответственно). Для чуть меньшей доли респондентов (37%) такая перспектива выглядит допустимой (чаще всего это жители больших городов – 46%).

Анализ позволяет выделить следующие факторы, определяющие низкий уровень востребованности и непрестижность рабочих специальностей:

- слабый уровень материально-технического и кадрового оснащения учреждений начального и среднего специального образования;
- разрыв сложившихся связей между системой начального и среднего специального образования и производством;
- высокая привлекательность системы высшего образования за счет более высокого социального статуса и возможности получить отсрочку от армии;
- негативное отношение родителей к системе начального и среднего профессионального образования как «потенциально криминогенной» среде, где их ребенок попадет под «дурное влияние».

Таким образом, происходит изменение социальных функций системы образования, в результате чего образовательная система в российском обществе ориентирована на воспроизводство социально-групповых и социально-территориальных различий, что ведет к социальной маргинализации учащихся из бедных и неблагополучных семей, что выражается в недостаточности их образовательного ресурса для адаптации в обществе и переходе на позиции социального аутсайдерства. Перекрывается важнейший канал социальной (вертикальной) мобильности индивида, что отражается в проявлениях депривации, которая, в большей степени, будет свойственна тем социальным группам, которые депривированы от возможности качественного образования.

Литература и источники:

1. *Тихонова, Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа / Н. Е. Тихонова. – М., 2007. – С. 5.*
2. *См., например: Заславская, Т. И. Современное российское общество / Т. И. Заславская. – М., 2004 ; Шкаратан, О. И. Социальная стратификация России и Восточной Европы: сравнительный анализ / О. И. Шкаратан, В. Ильин. – М., 2006 ; Реальная Россия: социальная стратификация современного российского общества. – М., 2006.*
3. *Piirainen T. Towards a New Social Order in Russia: Transforming Structures an Everyday Life. Dartmouth, 1997.*
4. *Marshall T.H. Social selection in the Welfare State // Hopper E., (Ed.), Readings in the theory of educational systems. Hutchinson and Co., 1971. Parsons T. (1959). The school class as a social system. Harvard Educational*

Review, 29, 297–318; Mare R. Change and Stability in Educational Stratification // American Sociological Review. – 1981, Vol. 46. – P. 78 – 87.

5. *Фрумин, И. Д. Основные подходы к проблеме равенства образовательных возможностей / И. Д. Фрумин // Вопросы образования. – 2006. – № 2.*

6. *Доступность качественного общего образования в России: возможности и ограничения / Д. Л. Константиновский // Вопросы образования. – 2006. – № 2. – С. 186 – 202.*

7. *Андреев, А. Л. Ценностные и мировоззренческие аспекты социального неравенства / А. Л. Андреев // Социологические исследования. – 2007. – № 9. – С. 43.*

8. *Столяренко, Л. Д. Динамика социальной селекции в образовании / Л. Д. Столяренко, А. Х. Мержоева // Теория и практика общественного развития. – 2010. – №2. http://teoria-practica.ru/index.php/2010-2/211-sociologia/466-2010-07-01-13-35-42.*

9. *Имидж учебных заведений ПТУ // http://bd.fom.ru/report/cat/cult/edu_edu/d072525*